

УДК 329.059470+571)

«СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ»: КОНЦЕПТ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ ИЛИ ПРОГРАММА «ПАРТИИ ВЛАСТИ»

В.И. Головченко

Саратовский государственный университет,
кафедра государственно-правовых дисциплин
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье проанализировано идейно-теоретическое обоснование процесса политических преобразований 2000-х годов, сформулированное в концепции «суверенной демократии»; рассмотрено отношение к ней представителей различных политических сил и политологического сообщества, обозначившееся в последние годы в современной России.

«Sovereign Democracy»: a Concept of Common National Ideology or the Program of the «Power's Party»

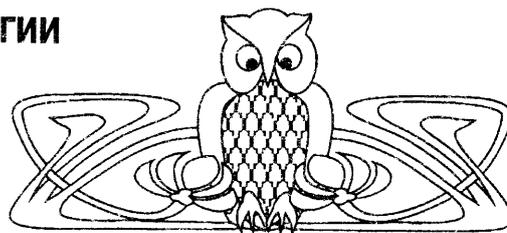
V.I. Golovchenko

The paper analyses the ideological-theoretical substantiation of the political transformations in the 2000ies, which has been formulated in the concept of «sovereign democracy», the attitude to it and arguments of representatives of various political forces and the political community designated in the discussion in modern Russia are considered.

Важнейшим и противоречивым проявлением политической жизни в России в 2000-е годы стал вопрос об идеологическом обосновании проводимых общественно-политических преобразований, в частности, идейно-политическое утверждение, институционализация и легитимация концепции «суверенной демократии».

По мнению О.Ю. Малиновой, идеология «демократов» сложилась в процессе развития и диверсификации «базовой демократической идеологии». В ее основе лежала идея реформ, призванных сделать Россию «нормальной цивилизованной страной» с рыночной экономикой, частной собственностью и демократическими политическими институтами¹. Однако проблемы и противоречия проводимых преобразований оттолкнули значительную часть населения от ценностей либеральной демократии.

Формально концепция «суверенной демократии» была впервые выдвинута заместителем руководителя администрации Президента РФ В. Сурковым в его выступлении перед активом «Единой России» в феврале 2006 г.² Однако вопрос о необходимости выработки и формирования целостной государственной идеологии был обозначен В. Путиным еще при назначении его Председателем Правительства РФ в 1999 г. При этом подчеркивалось, что обозначенную и желаемую условную государственную идеологию нельзя

смешивать с тоталитарной идеологией, которая превращает государство в идеократическое.

Особая роль в формировании и внедрении новой идеологии была отведена пропрезидентской партии. Процесс объединения «Единства» и «Отечества» (прежних идейных противников) показал незначительную роль идеологического фактора в деятельности данных партий в постсоветской России. Тем не менее лидеры «Единства», в октябре 2000 г. определили свою организацию как «партию либеральных консерваторов»³. Ориентировались они при этом на программное выступление В. Путина, которое он сделал еще до отставки Б. Ельцина, начав, по сути, выполнять обязанности главы государства⁴.

Однако избирательная кампания 2003 г. продемонстрировала, что предвыборная программа партии не была оформлена как идеология. Для привлечения на свою сторону населения «Единая Россия» использовала, прежде всего, страхи и сомнения граждан относительно неопределенности и нестабильности своего существования. Именно борьба с ними стала главной сюжетной линией политической деятельности партии власти и основой ее успеха на выборах в Госдуму. Естественно, что сыграла свою роль и постоянная апелляция к традиционным для большинства российского населения ценностям – патриотизму, коллективизму, сильному государству, патернализму, уравнилизму и т.п. Но их успешное использование в ходе избирательной кампании лишь наметило возможный контур будущей единой государственной идеологии. Ее обоснование было представлено позже сторонниками концепции «суверенной демократии».

«Наша российская модель демократии называется «суверенной демократией», – заявил В. Сурков 28 июня на брифинге в Москве. – Мы строим открытое общество, не забывая о том, что мы свободны <...> Мы хотим быть открытой нацией среди других открытых наций и сотрудничать с ними по справедливым правилам, а не управляться извне»⁵. Эта модель создана в противовес модели «управляемой демократии», навязываемой «некоторыми центрами глобального влияния всем народам без разбора – силой и лукавством – шаблонная модель неэффективных и, следовательно, управляемых извне экономических и политических режимов».

«У нас есть все, что есть в любой демократической стране. Претензии к России подогреваются интересом тех людей, которые радикально настроены (в плане понимания демократических ценностей), это их право. Но почему должна учитываться только их точка зрения?»⁶, – заявил он.

Из выступления руководителя администрации президента следует, что России не хватает национальной идеологии, и он подчеркивает, что она не будет по принципиальным моментам отличаться от общеевропейских ценностей и моделей: «Конечно, российская версия европейской культуры специфична, но она не более специфична, чем германская, французская или британская версия». По мнению В. Суркова, России не хватает национальной идеологии и элиты, которая разделяла бы эту идеологию, четко понимала цели и задачи, стоящие перед страной: «Наша нация должна объясниться сама с собой. Национальная идеология должна “обогатить” выстроенную вертикаль власти. Невозможно удерживать только административно то, что должно удерживаться образами будущего, идеалами, ценностями»⁷. Согласно идеологической парадигме «суверенной демократии», Россия как суверенное государство оставляет за собой право самостоятельно определять сроки, формы и методы движения к демократии.

Главным манифестом новой доктрины стала статья В. Суркова «Национализация будущего», в которой он суммировал размышления на тему «суверенной демократии», а также ключевые аргументы «за» и «против» этого концепта. Его ключевой тезис – «суверенная демократия» есть *универсальная форма* политического устройства нации в условиях глобализации. Россия не изобретает эту форму в виде особого пути, а лишь адаптирует ее к собственной специфике. И тогда, утверждает Сурков, «допустимо определить суверенную демократию как прообраз политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими»⁸.

Согласно разделу официального интернет-сайта «Единой России»⁹, посвященному «суверенной демократии», свой вклад в формирование данной концепции кроме В. Суркова внесли такие известные политологи и общественные деятели, как В. Никонов, Г. Павловский, В. Фадеев, В. Третьяков, А. Мигранян, А. Чадаев, М. Соколов, Л. Поляков, Л. Радзиховский¹⁰.

По мнению В. Никонова, несмотря на очевидное неприятие большинством населения самого понятия «демократия», ассоциирующегося с разрухой и смутой 1990-х гг., и несмотря на подозрения в отношении авторитаризма Путина,

власть твердо намерена следовать по пути развития России как демократического государства: «гибкое демократическое государство гораздо лучше приспособлено к тому, чтобы встретить вызовы все более сложного постиндустриального общества, где мириады самостоятельно действующих субъектов должны постоянно реагировать на мириады самых разнообразных импульсов, не дожидаясь решения некоей единой всезнающей инстанции. Без свободы предпринимательской деятельности, плюрализма мнений, уважения прав меньшинства, свободы информации развитие в современном мире просто невозможно. При этом демократия – это не когда у власти находятся люди, называющие себя демократами (часто по недоразумению), а когда обеспечиваются правление закона и ответственность власти перед теми, кто ее избирает, а не перед кучкой олигархов»¹¹.

Введение данного понятия сразу вызвало неоднозначное отношение и критику со стороны различных политиков и политологов. Проблему суверенной демократии обсудили представители всех крупнейших политических партий Российской Федерации, ведущие юристы, эксперты-политологи. Это обсуждение раскрыло существенные различия во взглядах на суть и смысл понятия¹². Особенно активизировалась дискуссия после лекции В. Суркова «Русская политическая культура. Взгляд из утопии»¹³.

Обозначились несколько принципиальных позиций. Самую жесткую критику в различных вариантах представили сторонники либеральной трактовки демократии. Например, Н. Белых оценил сущностные основы «суверенной демократии» в жанре предвыборной иронической полемики как «ценные указания» «главного начальника по государственной идеологии»¹⁴. Более существенную и аргументированную позицию заняли представители политологического сообщества¹⁵. По мнению политолога Г. Бовта, «ответы на наши проклятые вопросы лежат не столько в сфере прошлого (мы все время норовим шагать вперед с головой, обернутой назад), сколько будущего. Нужно сломать слишком много заостренных парадигм. Совершить в будущее именно интеллектуальный, духовный прорыв. Таковой невозможен на путях авторитарной модернизации»¹⁶.

Председатель высшего совета партии «Гражданская сила», доктор юридических наук, профессор М.Ю. Барщевский, с одной стороны, согласен с утверждениями В. Суркова о том, что присущий «нашей политической культуре примат целого, общего над частным, идеального над прагматическим приводил не однажды в нашей истории к пренебрежению такими «частностями» и «подробностями», как жизнь человека, его свобода, достоинства и права. А охранительные и патерналистские настроения, чрезмерно усиливаясь, подавляя активную общественную среду, приводят к дисфункции институтов развития». С другой стороны, М. Барщевский категорически

не согласен с тем, что В. Сурков, по существу, «призывает смириться с данной сущностью русской политической культуры и проводить лишь те реформы, которые будут ей, этой культуре, приемлемы. (То есть, между прочим, сохраняя за властью право на пренебрежение теми самыми «частностями» и «подробностями», которые сам же и перечисляет.) Это, полагаю, концептуальная ошибка»¹⁷.

По мнению И. Глебовой, с помощью данной концепции идею «особого пути» не просто «спускают сверху», чтобы усилить почвеннический изоляционизм, герметично закрыть «резервацию». Этой идеей обременена сама «почва». Посредством ее легитимируется власть: обеспечивая России «особый путь», она как бы встает над двумя «складами» русской жизни, непосредственно не связывая себя ни с одним из них, но выполняя функции посредника, модератора. Иначе говоря, она (символически) занимает то положение, которое и назначено русской власти. В результате формируется некое странное подобие (имидж) социального единства, гарантирующего подобие (имидж) благосостояния и прогресса¹⁸.

Примечательно, что даже Д.А. Медведев в интервью журналу «Эксперт» выступил с мягкой критикой данного термина, заметив, что понятия «суверенитет» и «демократия» – из разных понятийных категорий и сравнивать их нельзя. «Если же к слову «демократия» приставляются какие-то определения, это создает странный привкус, – считает Медведев. – Это наводит на мысль, что все-таки речь идет о какой-то иной, нетрадиционной демократии»¹⁹. На Давосском форуме первый вице-премьер сообщил, что «в России существует реальная демократия». Однако тут же самокритично заметил: стране «еще есть куда двигаться». И пояснил при этом, что демократия «как общественное явление, как юридическая конструкция не требует специальных пояснительных слов и является вполне универсальным термином». Первому вице-премьеру показалось недостаточным простое обозначение собственных позиций, и он поставил точки над «i»: «Человечество знает, что это такое, и способно отличить реальную политическую демократию от употребления этого слова всуе»²⁰.

Представляется, что такая позиция Д. Медведева может быть объяснена с точки зрения задачи целенаправленного формирования его либерального имиджа в западном информационно-коммуникационном пространстве.

Среди защитников концепции «суверенной демократии», очевидно, следует отметить прежде всего лидеров «Единой России». По мнению Б. Грызлова, в идеологической работе партии нашло свое отражение философское и политическое наследие отечественных мыслителей – Ивана Ильина, Дмитрия Лихачева, Никиты Моисеева, Льва Гумилева. В то же время Грызлов подчеркивал, что партия изучает иностранный опыт, но

опирается прежде всего на исторический опыт России, особенно переходных периодов: «При этом мы не копируем практику какого-то прошлого периода или какой-то ранее существовавшей партии. Никакое прямое заимствование в данном случае, разумеется, не подходит. У тех преобразований были свои особенности, свои проблемы, свои условия. Сегодня особенная ситуация. Это и экономическое влияние глобализации, и последствия распада СССР, и беспрецедентно высокий уровень террористической угрозы. Надо искать новый ответ на эти ранее не существовавшие вызовы. Мы можем найти его только сами»²¹.

По мнению Л. Полякова, главными аргументами в пользу концепции «суверенной демократии» является ее реальная работоспособность и применимость к российской политической практике. Во-первых, идентификация России как «суверенной демократии» раз и навсегда закрывает вопрос о «множественности» суверенитетов в федеративном государстве. Во-вторых, понятие «суверенная демократия» выполняет важнейшую реабилитационную функцию, возвращая в контекст общественных дискуссий очевидно дискредитированное, но абсолютно базовое для России слово «демократия»²². На наш взгляд, это действительно один из самых сильных потенциальных идеологических ресурсов данной концепции, функционально воплощающийся в агитационно-пропагандистской деятельности «Единой России» в последние два года.

Одним из наиболее последовательных сторонников концепта «суверенной демократии» стал А. Дугин. Он не просто заявил о своей поддержке данной концепции, но и дал ее наиболее развернутое политологическое обоснование. По его утверждению, словосочетание «суверенная демократия» – это неологизм, созданный в современной России при осмыслении особенностей политического строя и политической системы, сложившейся в ходе правления президента Путина. Путину пришел к власти, обладая двойным политическим мандатом – ельцинская элита возлагала на него ответственность за преемственность прежнему курсу, т.е. за продолжение «демократических реформ», а широкие массы хотели чего-то совершенно иного, отчасти прямо противоположного – возрождения величия России, восстановления справедливости и возврата к ценностям державности. Можно сказать, что элиты поручили Путину заботиться о «демократии», а вот массы, народ потребовали от него сохранения и укрепления национального государственного «суверенитета», существенно пострадавшего за годы либеральных реформ. Путину удалось выполнить и то, и другое²³.

По мнению А. Дугина, В. Путин сохранил в стране основные демократические институты, но наделил их новым патриотическим, державным, национальным содержанием, как раз в духе «органической демократии» и

идей консервативного философа И. Ильина, на которого Путин часто любит ссылаться. С точки зрения исследователя, так сложились предпосылки для появления «суверенной демократии», такой политической системы, где демократические процедуры и нормы подчинены критерию укрепления державности и государственности. Политическая система «суверенной демократии» дает народу шанс осознать себя главным политическим субъектом и действовать соответственно. При этой системе над народом больше нет высших ценностей, все ценности он порождает или принимает сам и отвечает за них перед самим собой. Это и есть пик нашей национальной свободы, предел обретения полновластия, к которому мы шли на всех этапах нашей истории. И само государство в такой ситуации становится не бременем, не тираном, не бесконечным насилием, но нашим инструментом, нашим орудием, которое должно быть направлено острием вовне, а не вовнутрь – должно служить народу, а не наоборот. «Суверенная демократия» означает еще и конец доминирования государства, всевластия чиновничества. Ведь теперь над государством, над административным аппаратом утверждается высшее начало – народ и его политическое всевластие²⁴.

Совершенно неожиданно концепция «суверенной демократии» получила поддержку со стороны автора «Конца истории» Ф. Фукуямы: «Каждая страна будет вынуждена найти свою собственную дорогу в современном мире <...> Модернизация и развитие в конечном счете определяются людьми, которые живут в данном обществе, а не чужаками». Говоря же собственно о термине «суверенная демократия». Фукуяма заявил: «Позитивный смысл, который в нем содержится, состоит в том, что Россия будет искать свой собственный путь к демократическим изменениям»²⁵. Как представляется, такая позитивная реакция на концептуализацию особого пути России к демократии может быть объяснена негативными последствиями беззглядного внедрения западных либеральных ценностей и институтов в 1990-е годы, которые существенно понизили жизненный уровень и соответственно веру российских граждан в демократические идеалы и принципы.

Оценивая результаты публичной дискуссии вокруг концепции «суверенной демократии», следует подчеркнуть, что значительная часть ее противников акцент делают на ошибочности самой постановки вопроса о возможности выработать собственную уникальную модель демократического общественно-политического устройства, адаптированную к российским социокультурным, социально-экономическим, географическим, полиэтническим, поликонфессиональным реалиям. Главным аргументом выступает идея, что, «изобретая велосипед», действующая российская

власть либо консервирует сложившуюся систему отношений между властью и обществом, либо прокладывает путь к авторитаризму и тоталитаризму.

Особенно негативно противниками концепции воспринимается само словосочетание «суверенная» и «демократия». По их мнению, демократия не нуждается в дополнительных определениях, она либо есть как универсальная совокупность ценностей, принципов, институтов и механизмов, либо ее нет и она не может существовать в виде доморощенных национальных моделей.

На наш взгляд, несмотря на все издержки и противоречия, содержащиеся в данной концепции, ее можно рассматривать как базовую основу общенациональной российской идеологии. Дело не только в том, что она учитывает особенности политической культуры российских граждан и формулирует востребованную в обществе иерархию социальных ценностей (что подтверждается результатами выборов), но и в ее практической значимости и функциональности. Общество, утратившее веру в себя, обречено на деградацию и на историческую бесперспективность. Концепция «суверенной демократии» дает возможность вернуть людям социальный оптимизм, наполнить смыслом и целерациональностью само существование российского сообщества как сложного единого организма, способного не просто выжить в условиях жесточайшей конкуренции, но и занять достойное место среди других народов.

Несмотря на то, что пока данная концепция представляет собой одну из идейных основ программы партии «Единая Россия»²⁶, широкое внедрение ее идей в российское информационно-коммуникационное пространство уже приносит свои положительные плоды и находит отражение в массовом сознании. Тем самым происходит актуализация ценностного ядра, которое и представляет собой потенциальную основу общенациональной российской идеологии.

Примечания

- ¹ Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Полис. 2007. № 1. С. 17–18.
- ² Сурков В. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности (<http://edinros.ru/news.html?id=111148>).
- ³ См.: Голос Единства. 2000. № 5. 4 окт. С. 1.
- ⁴ Путин В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газ. 1999. 30 дек.
- ⁵ Наша российская модель демократии называется «суверенной демократией» // <http://www.edinros.ru/news.html?id=114108>
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.

- ⁸ Сурков В. Национализация будущего. Параграфы *pro* суверенную демократию // Эксперт. 2006. 20 нояб. № 43(537). С. 102.
- ⁹ <http://www.edinros.ru/news.html?id=114545>
- ¹⁰ Рыжков В. Россия и свобода: суверенитет и демократия // Ведомости. 2005. 15 авг.; Третьяков В. О политической философии Владимира Путина // Рос. газ. 2005. 28 апр.; Чадаев А. Путин. Его идеология. М., 2006.
- ¹¹ Никонов В. Суверенная демократия в России // <http://www.edinros.ru/news.html?id=115335>
- ¹² Российская газета. 2006. 6 сент.
- ¹³ Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из утопии // Независимая газета. 2007. 22 июня.
- ¹⁴ Белых Н. Идеология суверенной бюрократии // Независимая газ. 2007. 20 июля.
- ¹⁵ Самарина А., Варшавчик С. Суверенную демократию – каждому. Эксперты считают использование идеологического новояза в партийных документах изобретением политического велосипеда // Независимая газ. 2006. 31 авг.
- ¹⁶ Бовт Г. Владислав Сурков: прагматический идеализм // Независимая газ. 2007. 22 июня.
- ¹⁷ Барцевский М.Ю. Цивилизация суверенной не бывает // Независимая газ. 2007. 29 июня.
- ¹⁸ Глебова И. Облик новой русской власти и социальные расколы // Независимая газ. 2007. 12 янв.
- ¹⁹ В среду политическая элита договорилась разговаривать на одном языке // Известия. 2006. 31 авг.
- ²⁰ Самарина А. Медведев снова поспорил с Сурковым // Независимая газ. 2007. 30 янв.
- ²¹ Интервью с Б. Грызловым // Независимая газ. 2007. 20 июля.
- ²² Поляков Л.В. «Суверенная демократия»: политический факт как теоретическая предметность // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 67–68.
- ²³ Дугин А. «Суверенная демократия» – признак появления у России идеологии // Время новостей. 2006. 20 сент. // <http://www.vremya.ru/2006/171/4/161294.html>
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Цит. по: Орлов Д. Новый русский век и суверенная демократия // Независимая газ. 2007. 13 июля.
- ²⁶ Сильные и слабые стороны данной партии нуждаются в самостоятельном и непредвзятом исследовании. На наш взгляд, несмотря на ограниченность ее социальной базы, жесткую встроенность в «вертикаль власти», наличие узкокорыстных личных и групповых интересов у членов данной партии, тем не менее, вектор ее скоординированной деятельности во многом отвечает и назревшим общественным потребностям.

УДК 320 (075.8)

РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СВЕТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

Т.Н. Митрохина, М.В. Горбачев

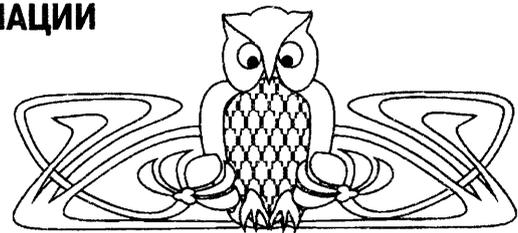
Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: mtn002@rambler.ru

В рамках статьи осуществлен анализ российских политических трансформаций с помощью методологических принципов цивилизационного подхода в трех его вариациях – мирсистемного подхода, теорий пограничной и центральной цивилизаций. В исследовании обосновывается точка зрения, согласно которой российское общество под воздействием культурно-исторических факторов «возвращается» к национальной модели демократии.

Russian Political Transformations in the Light of Civilization Approach

T.N. Mitrokhina, M.V. Gorbachev

This article connected with problem, how civilization «code» influences the political structure of Russian democratically society. Some methods, such as civilization paradigm, world-system theory and central civilization conception, supported in the processes of solving this problem. This methods of political analysis is very actual. It allowed determine the potential of Russian democracy, in properly contacted with Russian civilization developments. As a result, was taken some interesting resumes. Russian culture organism was moving to original democracy. This is not traditional type of democracy. It is a new generation of democratically regimes, which consist of controlled political institute without wide scale election.

Наиболее масштабным уровнем анализа политических систем является цивилизационный подход, представляющий интерес как для теории политической науки, так и с практической точки зрения. Цивилизационная модель интерпретации политики использует собственный методологический «ключ к политическому калейдоскопу»¹, к пониманию и объяснению происходящего в политической сфере, механизмов ее регуляции, источников, питающих динамику. Она дает возможность изучения соотношения культурных кодов общественного организма и его политического устройства. В конечном итоге, источником интерпретации политической организации являются культурные системы и их компоненты. Цель данного исследования состоит в изучении российских политических трансформаций в рамках цивилизационной объяснительной модели, которая чрезвычайно разнообразно представлена в современной науке. Под политическими трансформациями мы понимаем устойчиво воспроизводимые переходные процессы от авторитаризма к демократии и опять к авторитаризму в сфере функционирования